

«ОСОБЫЕ ПУТИ» РОССИИ И ГЕРМАНИИ В XX ВЕКЕ: «ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО» В КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ

Б.Л. Хавкин

Аннотация. «Особые пути» занимают важное место в исторической памяти России и Германии. «Особый путь» – понятие столь же русское, сколь и немецкое. В истории русского «особого пути» прослеживается сильное влияние немецкой историософской традиции. В статье рассматриваются «особые пути» России и Германии в немецкой культуре памяти. В современной ФРГ общепризнано, что германский «особый путь» привел немцев в преступный «Третий рейх». Но немцы сумели с большим трудом «преодолеть» эту самую болезненную страницу своей истории. В начале XXI в., когда вновь объединенная Германия стала ключевым звеном европейской либеральной демократии, об «особом пути» в Германии вспоминают лишь философы и историки; концепция немецкого «особого пути» утратила политическую актуальность. К сожалению, ни свой, российский, ни чужой, германский, опыт «преодоления прошлого» не достаточно востребован в современной России. Несмотря на крах в XX в. большевистского эксперимента, поиски Россией своего нового «особого пути» идут до сих пор.

Ключевые слова: Россия и Германия: культура памяти, «особые пути», «преодоление прошлого», сходство исторических судеб.

“DISTINCTIVE PATHS” OF RUSSIA AND GERMANY IN THE TWENTIETH CENTURY: “OVERCOMING THE PAST” IN THE CULTURE OF MEMORY

B.L. Khavkin

Abstract. “Distinctive paths” occupy an important place in the historical memory of Russia and Germany. “A distinctive path” is a concept equally Russian and German. In the history of the Russian “distinctive path” there is a strong influence of the German historiosophical tradition. The article deals with the “distinctive paths” of Russia and Germany in the German culture of memory. In modern Germany, it is generally recognized that the German “distinctive path” led the Germans into the criminal “Third Reich”. But the Germans managed to “overcome” the most painful page of their history with great difficulty. At the beginning of the 21st century, when the newly United Germany became a key element of the European liberal democracy, only philosophers and historians remember the “distinctive path” in Germany. The concept of the German “distinctive path” has lost its political relevance. Unfortunately, neither Russian nor German experience of “overcoming the past” is in demand in modern Russia. Despite the collapse of the Bolshevik experiment in the twentieth century, Russia is still searching for its new “distinctive path”.

Keywords: Russia and Germany: culture of memory, “special ways”, “distinctive path”, “overcoming the past”, similarity of historical destinies.

«Особый путь» — понятие столь же русское, сколь и немецкое. Дискуссии об «особых путях» России и Германии, их уникальной роли и великом историческом предназначении начались в XVIII–XIX вв., когда так называемые «поздние нации» — русские и немцы — занялись поиском национальной идеи.

Эти нации, идя в истории каждая своим «особым путем», шли, тем не менее, навстречу друг другу. При всех различиях между русскими и немцами их история причудливо переплеталась, давая миру высочайшие примеры единства и борьбы противоположностей — от «общности национальных судеб» («Schicksalsgemeinschaft») до двух мировых войн XX в., в которых немцы и русские сошлись в смертельной схватке.

«Немецкий особый путь» («Deutscher Sonderweg») состоял в абсолютизации специфики исторического развития Германии. Эта концепция использовалась при объяснении феномена германского национализма, империализма, тоталитаризма и особенно национал-социализма («Третий рейх»).

Однако в начале XXI в., когда вновь объединенная Германия стала ключевым звеном европейской либеральной демократии, «немецкий особый путь» окончательно ушел в прошлое и утратил политическую актуальность.

Иначе обстоят дела в России, которая в XX в., зайдя в тупик коммунистического «особого пути», вновь ищет свой «особый путь». В представлении Президента РФ В.В. Путина, ««особый путь России» — это тактика выживания государства и населения его народа в современных геополитических реалиях. Нам, считает Президент, надо быть особыми, раз это лучший способ минимизации потерь» [Тукмаков, 2018]. Что касается «минимизации потерь», отметим, что «особый путь», по которому Россия шла в XX в., очень дорого стоил нашему народу. Высоко чтимый В.В. Путиным философ Иван Ильин назвал эту сумму «чудовищной»: 72 миллиона жизней граждан «Советии» [Ильин, 1956, с. 116].

Консенсуса в современном российском обществе по вопросу «особого пути» нет. «Особых путей» не существует. Когда авторы разного толка размышляют об «особом пути» нашей страны, они фактически этот «особый путь» и придумывают. Это касается и других народов», — утверждает экономист и журналист Д.Я. Травин [После Путина..., 2018].

Русская и немецкая идеологии «особого пути» имели много общего. Их объединяли одни и те же постулаты: «особая роль верховной власти в управлении страной в противоположность западному демократизму; особая ментальность народа, характеризующаяся извечной и неизбывной его верой в авторитет правителя; особое уважение своей страны к духовной культуре, к «духовности» в широком смысле, как противоположность западному прагматизму» [Идеология «особого пути», 2010, с. 10].

Немцы, «народ философов», издавна пытались «понять Россию умом». Эта германская попытка во многом формировала дискурс русской общественной мысли XVIII–XX вв. — от славянофилов до западников, от монархистов до революционеров.

Даже русский марксизм (от «легального марксизма» Н.И. Зиберы и П.Б. Струве до большевизма в его разных версиях: ленинизма, троцкизма, сталинизма) был попыткой перенести этот вариант немецкого «особого пути» на русскую почву.

В Германии страх перед Российской империей сочетался с чувством собственного культурного превосходства. Немецкие националисты и «тевтонофилы», такие как Густав Дицель [Diezel, 1953], в этом плане мало отличались от создателей теории научного коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса или их современника, основоположника левого сионизма Мозеса Гесса, который писал о необходимости «прогрессивного» союза великих держав – Великобритании, Франции и Германии, направленного против «реакционной» Российской империи [Hess, 1841]. Отметим, что немецкий руссиевед Герд Кёнен характеризовал Карла Маркса, почитаемого в России до сих пор, как «одного из фанатичных русофобов XIX в.» [Кёнен, 2010].

Однако в русофобии проявлялась лишь одна сторона немецкого восприятия России. Была и другая: сильное русофильство, причем преимущественно в консервативной части немецкого образованного общества. Критики европейского просвещения и идеологии «заката Запада» связывали большие надежды с Россией – европейским Востоком, «не затронутым» западной цивилизацией.

«Сходство судеб» России и Германии наглядно проявились в XX в., когда поиски «особого пути» привели Германию к национальной катастрофе так называемого «национального социализма», а Россию – к 74-х летней консервации «социализма интернационального», окончившегося распадом СССР [Хавкин, 2014, с. 440]. Однако «большевистский режим не только существовал значительно дольше, чем другие революционные режимы современности, но и пережил почти на два поколения тоталитарные системы, возникшие в Европе в XX в. и уничтоженные в 1945 г. Большевистское государство за свою 74-летнюю историю должно было, в отличие от просуществовавшего лишь 12 лет “Третьего рейха”, приспособиться к полностью изменившимся историческим условиям, иногда до неузнаваемости менять свой характер», – отмечает германский историк Леонид Люкс [Люкс, 2009, с. 11–12].

Важной темой размышлений германских экспертов является так называемый «комплекс России». Как отмечал Герд Кёнен, «российский комплекс» у немцев представлял собой «колебание между страхом и восхищением, фобийным защитным отталкиванием и страстным притяжением, причем встречными и зачастую взаимопереплетенными» [Кёнен, 2010, с. 7].

Во второе десятилетие XX в. в поисках германского «особого пути» ярко проявились антирусские и антисоветские фобии. Это было связано с формированием «образа врага», Первой мировой войной, в которой Германия и Россия сражались друг против друга [Die vergessene Front, 2006], и, конечно, с революциями 1917 г. в России и 1918 г. в Германии [Хавкин, 2014, с. 442].

Большевистская революция 1917 г. подлила масла в огонь спора немцев о России. Немецкий социолог Альфред Вебер писал, что «большевистская власть привела к

реазиатизации России. Лишь по недоразумению эта страна примкнула на какое-то время к сообществу европейских наций; покидая Европу, она возвращается к самой себе» [Weber, 1925, S. 119].

Дитрих Гайер, авторитетный специалист по истории Восточной Европы, в докладе «Восточная политика и историческое сознание Германии» (1986 г.) отмечал характерную для национального сознания немцев «сильнейшую вражду к России» [Geuer, 1968, S. 150], заметно превосходящую противоположные тенденции. По его словам, в Германии русофобские тенденции превратились в элемент формирования буржуазных классов и образования нации. Традиционные представления немцев о культурной миссии на Востоке разрослись до гипертрофированных имперских планов и насчет восточного пространства, максималистские варианты которых учитывались в диктаторском Брест-Литовском договоре [Кёнен, 2010, с. 6].

Веймарская республика, строившая партнерские отношения с Советской Россией на основе Рапалльского (1922 г.) и Берлинского (1926 г.) договоров, ненадолго прервала традицию однозначно враждебного отношения к стране большевиков. Это и понятно: в основе партнерства Берлина и Москвы лежали взаимовыгодные военные контакты [Groehler, 1992].

Фрейбургский консервативно мыслящий профессор Герхард Риттер лояльно относился и к Веймарской республике, и к Советской России. Ученый выступил за более тесную связь между двумя государствами, рассчитывая использовать ее для укрепления международных позиций Германии. Идею сближения Германии и России Риттер обосновывал исторически: в своем самом крупном произведении того времени – двухтомной биографии инициатора и руководителя прусских реформ начала XIX в. барона К. Штейна автор представлял своего героя как сторонника союза с Россией [Ritter, 1931].

Исторические связи Германии с Россией стали активно изучаться в Веймарский период. Фриц Теодор Эпштейн в 1930 г. опубликовал в Гамбурге записки о Московии Генриха Штадена – немецкого авантюриста XVI в. и опричника Ивана Грозного [Epstein, 1930; Штаден, 2008; 2009].

Эпштейн призывал уделять больше внимания изучению политической и дипломатической истории России, ее психологическим факторам. Историк утверждал, что злобный «антибольшевизм» после 1917 г. во многом является измененной формой европейского, главным образом немецкого, «российского комплекса», возникшего еще в XIX в. Этот комплекс представляет собой «специфическое сочетание чувства культурного превосходства и политической неполноценности; со временем он превращается в комплекс агрессивных страхов и навязчивых идей, которые провоцируют экспансионистские мечты и колонизаторские фантазии» [Epstein, 1973, S. 143–159; Кёнен, 2010, с. 7].

В Веймарской республике существовали влиятельные политические силы, стремившиеся не допустить развития в рейхе «русской ситуации»; они делали это с «оглядкой

на Версаль», ставший символом национального унижения Германии после Первой мировой войны, и полагали, что страны Антанты хотят «заразить Германию бациллой большевизма» [Кёнен, 2010, с. 11], чтобы разложить ее изнутри. Ведь именно так кайзеровский рейх поступил с Россией в 1917 г., используя для этого русско-германского революционера и политического авантюриста Парвуса [Chavkin, 2007; Хавкин, 2008] и вождя большевиков В.И. Ленина [Scharlau, Zeman, 1964; Солженицын, 1975; Хальвег, 1990]. Однако Советская Россия открыто выступила против Версальской системы, тем самым встав на сторону побежденной Германии.

Политика Красной Москвы спутала все германские карты: с одной стороны, большевики и созданный ими Коммунистический Интернационал были нацелены на всемирную революцию («даешь Варшаву, даешь Берлин!»), с другой – Советская Россия помогала Германии «встать с колен» и «разорвать оковы Версаля». Как отмечают немецкие историки, политика СССР и Коминтерна в отношении Веймарской республики зачастую совпадала с лозунгами немецких националистов. «Советским руководством проводилась широкомасштабная политика союзов и общих интересов в отношении различных слоев общества в Веймарской республике, плоть до народнически-националистических (фёлькишских) кругов, рейхсвера, добровольческих корпусов и т.д. Все это дополнялось декларациями о культурной близости, которые иногда во многом совпадали с представлениями о немецкой культурной миссии на Востоке... Тем безбрежной становились ответные ожидания, связанные с немецкими преимущественными правами при “восстановлении России”. Если отвлечься от всех политических симпатий, то Советская Россия в любом случае воспринималась (в Германии – Б.Х.) как державный комплекс, притягивавший к себе не только ипохондрические страхи, но и чрезмерные ожидания» [Кёнен, 2010, с. 2].

В годы нацизма, когда вожди гитлеровской Германии требовали заново пересмотреть и переписать историю человечества, «место историографии, – как отмечал западногерманский историк Э. Ференбах, – занял миф крови и расы» [Мерцалов, 1978, с. 17].

Господствовавшая в «Третьем рейхе» нацистская идеология, в концентрированном виде изложенная Гитлером и Розенбергом, была пропитана расизмом и великогерманским шовинизмом, антисоветскими и антисемитскими фобиями. Розенберг, родившийся в Ревеле в семье немцев из Риги, пытался вписать большевизм в расистски искаженный им образ России: «Большевизм означает восстание монголоидов против нордических культурных форм, он является стремлением в степь, ненавистью кочевников против корней личности, означает попытку вообще вытолкнуть Европу. Одаренная многими поэтическими талантами восточно-балтийская раса (славяне – Б.Х.) превращается – при смешении с монголоидами – в податливую глину в руках нордических вождей или еврейских либо монгольских тиранов» [Rosenberg, 1930, S. 113].

Розенберг подверг ревизии представления о Достоевском, который был для образованных немцев одним из самых любимых писателей и олицетворением России. По мнению Розенберга, многократно прославляемый психологизм Достоевского доказывает лишь то, что «в русской крови есть что-то нездоровое, болезненное, убудочное»

и «все устремления к высокому всегда терпят крах». Розенберг считал, что «у русского человека, ставшего на рубеже XX в. чуть ли не Евангелием, честь как формирующаяся сила вообще не появляется». Персонажи Достоевского, в конечном счете, лишь «метафоры испорченной крови, отравленной души». Да и большевизм означает, что «Смердяков властвует над Россией». Германия должна освободиться от чар этого мира низших бесов: «Кому нужна новая Германия, отвергнет и русское искушение вместе с использованием его еврейми» [Rosenberg, 1930, S. 114; Кёнен, 2010, с. 386–387].

Идеологические различия не помешали нацистам активно сотрудничать со сталинским режимом с августа 1939 по июнь 1941 гг., в краткий период «дружбы, скрепленной кровью» [Правда, 1939; Молодяков, 2008, с. 225]¹. Впрочем, в сталинской идеологии, непримиримой к любому инакомыслию, под влиянием сближения с гитлеровской Германией наметились существенные изменения. «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за “демократию”», — заявил 31 октября 1939 г. Председатель Совета Народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов [Доклад Председателя СНК, 1939, с. 7–24]. Это высказывание В.М. Молотова полностью соответствовало тогдашней нацистской политической риторике, что с удовлетворением отмечал рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс [Die Tagebucher, 1939, S. 178; Случ, 2004, с. 171].

В период советско-германской «дружбы» 1939–1941 гг. в СССР на русском языке были изданы воспоминания «железного канцлера» Германии Отто фон Бисмарка, выступавшего за дружбу с Россией: «Мы сами не имеем абсолютно никакой причины воевать с Россией... А раз наши собственные интересы не только отнюдь не требуют разрыва с Россией, но скорее даже говорят против этого, то, напав на постоянного соседа, до сих пор являющегося нашим другом, не будучи к тому спровоцированы, мы сделаем это либо из страха перед Францией, либо в угоду Англии и Австрии» [Бисмарк, 1940–1941, с. 82].

Ситуация в корне изменилась 22 июня 1941 г. «Нападение Германии на СССР в июне 1941 г. — при полном отсутствии предварительной идеологической подготовки — снова и мгновенно открыло шлюзы антибольшевистской пропаганды, — пишет Г. Кёнен. — Геббельс цинично заметил в своем дневнике, что теперь следует опять поставить “антибольшевистскую грампластинку”... В грубых формулировках военных приказов и секретных распоряжений (начиная с “приказа о комиссарах”), как и в сопроводительной пропагандистской литературе, снова проявились гибкость и приспособляемость нацистской идеологии, которая в зависимости от автора, адресата и

---

¹ Сталин, отвечая на поздравления Гитлера и Риббентропа по случаю своего 60-летия, писал: «дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

ситуации попеременно использовала стереотипы “еврейский большевизм”, “славянские недочеловеки” или “азиатчина” (она же “монголизм”), чтобы предложить каждому потребителю нечто по его вкусу» [Кёнен, 2010, с. 398–399].

После Второй мировой войны в Германии начался навязанный союзниками по антигитлеровской коалиции принудительный процесс денацификации. Немцы на западе и востоке разделенной страны по-разному преодолевали свое прошлое и по-разному воспринимали Россию. На Западе Германии они учились извлекать уроки из своей истории в обстановке иностранной оккупации, а затем формирования и совершенствования демократического гражданского общества, в условиях деятельности государства, обладающего социальной ответственностью. СССР в основном интересовал их лишь в связи с пребыванием в нем до начала 1956 г. немецких военнопленных [Die deutschen Kriegsgefangenen, 1962–1974]¹.

На востоке Германии процесс демократизации и развития гражданского общества был подменен строительством «первого на немецкой земле рабоче-крестьянского государства» по примеру советской модели социализма. Советская командно-административная система рассматривалась как образец для подражания. «Учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать», — этот лозунг был выдвинут в ГДР в 1951 г. и сохранялся до конца существования этого государства [Павлов, 2017, с. 382].

Извлечение уроков из трагического опыта германской истории периода нацистской диктатуры стало основным содержанием социально-политического развития ФРГ второй половины XX в. Но этот процесс не был прост и не соответствовал законам линейного развития; он имел «пульсирующий» характер. В послевоенной ФРГ, как констатировали берлинские исследователи П. Ян и Р. Рюруп, «удушливая атмосфера “холодной войны”, не допускала возможности ощутить и разделить чужие страдания... закрывала дорогу к самокритичным оценкам экспансии против Советского Союза» [Jahn, Rürup, 1991, S. 17].

Только в конце 1950-х гг. «преодоление прошлого» постепенно стало осознаваться в ФРГ как знак длительного, многопланового общенационального извлечения уроков из истории «Третьего рейха», как призыв к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, как понятие-символ, порожденное чувствами стыда и ответственности за преступления гитлеризма.

Осмысление зла, причиненного гитлеровским режимом, признание необходимости искупления преступлений, совершенных немцами против человечности, медленно пробивало себе дорогу в историографии и массовом историческом сознании ФРГ. Восприятие устрашающей правды о «войне на Востоке» вызывало своего рода аллергию и у историков, и у широких слоев населения Германии. Всемирно известный немецкий философ Теодор Адорно сокрушался, что в западногерманском обществе, далеко за пределами «круга неисправимых», жива тенденция «оправдания

---

¹ Из 22 томов изданной в ФРГ «Истории немецких военнопленных Второй мировой войны» 7 посвящены немецким военнопленным в СССР.

задним числом агрессии Гитлера против Советского Союза». Усматривая в этом опасный симптом коллективного «политического невроза», Адорно предупреждал, что забвение «нежелательного» прошлого «чересчур легко переходит в оправдание забываемых событий» [Adorno, 1977, S. 560, 568].

«Порой мне казалось, — с горечью писал в начале 1980-х гг. русско-германский историк, философ и писатель Лев Копелев, — что люди в ФРГ действительно ничего не знают о том, как истекали кровью Варшава и Киев, как должен был погибнуть от голода и стерт с лица земли Ленинград, кому обязан мир решающим поворотом в войне, достигнутом в руинах Сталинграда» [Eine Rede und ihre Wirkung, 1986, S. 43]. Дарование Копелева как политического публициста ярко проявилось в диалоге с писателем и историком Гердом Кёненом, продолжающем тематику бесед Копелева с писателем Генрихом Бёллем «Почему мы стреляли друг в друга?» [Böll, Kopelew, 1981; Бёлль, Копелев, 2016]. Собеседники вели заинтересованный разговор о воздействии русской революции на Германию и германскую культуру; о сегодняшних судьбах России и Германии; о сходных задачах народов обеих стран по преодолению «образов врага», извлечению уроков из общего прошлого.

«Преодолению прошлого» способствовал спор западногерманских историков 1986–1987 гг., в центре которого были проблемы нацистского прошлого Германии, истории Второй мировой войны, в особенности войны Германии против СССР. Инициаторами спора историков стали профессор Свободного университета в Западном Берлине Эрнст Нольте и профессор Кельнского университета Андреас Хильгрубер. Главную ответственность за преступления «Третьего рейха» Нольте перекладывал на Россию и большевиков. Его тезисы, сформулированные в виде обращенных к читателю вопросов, звучали так: «Может быть, национал-социалисты, Гитлер прибегли к “азиатским злодеяниям” лишь потому, что считали себя и себе подобных потенциальными или реальными жертвами таких же “азиатских злодеяний”, осуществляемых другими?.. Разве большевистские “убийства из классовых соображений” не были логическим и практическим прологом “убийств из расовых соображений”?. По утверждению Нольте, Гитлер был всего лишь копией Сталина, Освенцим — “технически усовершенствованной” копией ГУЛАГа, а национал-социализм — непосредственной реакцией на большевистскую революцию в России [Борозняк, 1999, с. 116–117; Хавкин, 2014, с. 447].

В то же время были предприняты попытки переосмыслить причины Второй мировой войны и геноцида европейских евреев. Нольте и его последователи считали эти преступления «ответом» Гитлера на объявление ему войны международными еврейскими организациями. Тезис о нацистской диктатуре как орудии «превентивного убийства» сочетался с тезисом о «вынужденной» войне Германии против Советского Союза.

Историк Ханс Мамзен видел серьезную опасность тезисов Нольте для формирования правдивой исторической памяти немцев: «в Западной Германии граница между серьезной наукой и маргинальной неонацистской прессой оказалась очень шаткой» [Mommesen, 1986, S. 867]. По мнению политолога Курта Зонтхаймера, речь шла о попытке создать новую «исправленную и приукрашенную совесть» [Rheinischer Merkur, 1986].

Историограф Фриц Фишер отмечал, что под пером Нольте и его сторонников «национал-социализм и Гитлер удаляются из германской истории и именуется реакцией на большевизм, на преступления сталинизма», а Карл Дитрих Брахер подчеркивал, что «кровавые преступления одной диктатуры нельзя исторически оправдывать путем сравнения со злодеяниями другой диктатуры. Кроме того, сравнение диктатур вовсе не означает их отождествления» [Борозняк, 1999, с. 117–118; Хавкин, 2014, с. 448].

В 1986 г. вышла в свет брошюра профессора Кельнского университета Андреаса Хильгрубера «Двойной закат. Крах германского рейха и конец европейского еврейства». По мнению историка, в свое время немало сделавшего для разоблачения преступного характера германской агрессии против СССР, в 1944–1945 гг. вермахт, «самоотверженно сражаясь на Востоке», «спасал население Германии и всей Европы» от «большевистского нашествия», а разгром Третьего рейха означал «поражение Европы» [Борозняк, 1999, с. 119; Хавкин, 2014, с. 448].

В ответ философ Юрген Хабермас опубликовал статью «Апологетические тенденции в германской историографии новейшего времени». Хабермас дал точную характеристику концепции Нольте, которая «позволяет лишить нацистские преступления их исключительности, представив их всего лишь как ответ на угрозу уничтожения со стороны большевиков. Освенцим утрачивает теперь свое значение зловещего символа преступлений германского фашизма и превращается всего лишь в техническое новшество, внедрение которого объясняется “азиатской” угрозой со стороны врага, все еще находящегося у наших ворот». Хабермас писал, что «в центре дискуссии находится вопрос о том, какие исторические уроки извлечет общественное сознание из периода нацистской диктатуры». Память о преступлениях нацизма философ именовал «фильтром, через который проходит культурная субстанция, востребованная волей и сознанием» [Die Zeit, 1986; Хавкин, 2014].

Новый импульс «преодолению прошлого» в ФРГ дала передвижная выставка «Преступления вермахта», организованная в 1995 г. Институтом социальных исследований (Гамбург); она разрушила привычные представления немцев о «чистом вермахте» и непричастности армейских кругов к преступлениям гитлеровского режима [Verbrechen der Wehrmacht, 2005; Хавкин, 2014, с. 449].

Организаторам выставки удалось, как отметил историк Норберт Фрай, «сдвинуть с места процесс рефлексии, касающейся легенды о чистом вермахте», чего «вплоть до настоящего времени не удавалось сделать авторам научных исследований» [Die Zeit, 2004]. Первый вариант экспозиции (1995–1999 гг.) был открытым вызовом привычным представлениям о «незапятнанной армии». Главное внимание было уделено фотографиям, запечатлевшим прямое участие солдат и офицеров вермахта (наряду с палачами СС и СД) в массовых казнях на оккупированных территориях СССР. Для второго, существенно переработанного, варианта выставки (2000–2004 гг.) была характерна подробная и доказательная презентация исторических документов. На стендах были размещены копии директив командования вермахта, касающиеся подготовки и ведения агрессивной войны против Советского

Союза, преступного характера германского оккупационного режима [Verbrechen der Wehrmacht, 2005, S. 308–328].

Таким образом, в современной германской историографии утвердился тезис о том, что «нацистская Германия вела против СССР войну на уничтожение, обусловленную политическими, экономическими и расово-идеологическими факторами» [Юбершер, 1999]. Этот вывод основан на результатах многочисленных фундаментальных исследований германских историков [Unternehmen Barbarossa, 1984; Der deutsche Oberfall, 1991; Ueberschär, 1996; Müller, 1997].

Решающий прогресс в деле «преодоления» нацистского прошлого в ФРГ был достигнут в пограничной зоне между историческим знанием и общественным сознанием. В рамках каждого цикла раздвигались дебаты, далеко выходящие за стены академического и университетского цехов, будоражившие общество, прямо влиявшие на направленность и характер исторических исследований, на их новую оптику. В ходе дискуссий неизменно ставились (но уже на ином уровне) «проклятые вопросы» — о национальной вине и национальной ответственности немцев [Schildt, 1998].

«Несмотря на полное принятие фактов нацистских преступлений, понимание вины и ответственности немецкого народа все еще остается немалой проблемой в германском обществе», — отмечает Анке Гизен из университета г. Магдебурга [Гизен, 2015, с. 63–69].

«Преодоление» нацистского прошлого — это процесс, а не результат; трактовать его нельзя одномерно: ни в категории «постоянные провалы», ни в категории «неизбежные успехи». В целом же расчет с наследием «Третьего рейха», даже противоречивый и незавершенный, можно назвать значимой победой гуманистической мысли и демократического действия. Политическая культура ФРГ смогла, если использовать формулу Льва Толстого, «подняться на ту точку, с которой видишь себя» [Толстой, 2001, с. 305].

Несомненно, была прямая связь между спором историков в ФРГ и перестройкой в СССР. Разоблачения сталинизма в нашей стране, необходимые, но запоздалые, стали питательной средой для столь же необходимых и запоздалых разоблачений национал-социализма в Западной Германии. Не связано ли это с непростительной задержкой и явной непоследовательностью кампании по «преодолению последствий культа Сталина» и сохранением не перестраиваемой сталинской командно-административной системы в СССР, а в ФРГ — «новой восточной политикой» и «преодолением прошлого»?

Крушение «Третьего рейха» произошло в 1945 г. под воздействием извне, прежде всего — под ударами Красной Армии. Советский режим пал в 1991 г. под тяжестью неразрешимых внутренних противоречий. «Конец “особого пути” Советского Союза был достигнут, когда этот утопизм (марксизма-ленинизма — Б.Х.) утратил силу, и генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев признал приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми», — писал историк Юрген Царуски из Института современной истории (Мюнхен — Берлин) [Идеология «особого пути», 2010, с. 125].

В СССР — при наличии «своего» Освенцима (Архипелага ГУЛАГ) — не было «своего» Нюрнберга [Подорога, 2017]. Этот факт отразился в современной немецкой «культуре памяти»: профессор политологии и современной истории университета Мангейма Эгберт Ян считает неизбежным следствием расширения Евросоюза на восток в области политики памяти переход от западноевропейских воспоминаний об Освенциме к общеевропейским воспоминаниям об Освенциме и Архипелаге ГУЛАГ [Ян, 2014, с. 46–63]. Как писал славист и культуролог Карл Шлэгель, «память, которая не включает узников ГУЛАГа, в определенном смысле является избирательной, недостоверной и в малой степени европейской» [Ян, 2014, с. 46–63].

В XXI в. новые поколения граждан ФРГ неизбежно возвращаются к проблеме, о которой в 1945 г. говорил немецкий философ и психолог Карл Ясперс: «Без пути очищения, идущего из глубинного сознания своей вины, немцу не добыть правды... Где подлинное сознание вины колет как жало, там само сознание поневоле преобразуется» [Jaspers, 1987, S. 54, 80, 83]. В 1949 г. в работе «Смысл и назначение истории» Ясперс писал: «Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь — в нежелании знать, в стремлении забыть, в неверии, что все это действительно происходило» [Ясперс, 1991].

Нравственный облик послевоенной Германии был, по словам русского мыслителя Александра Солженицына, определен «нравственным импульсом», «облаком раскаяния», которое «наполнило ее атмосферу» [Солженицын, 1989, с. 25, 53].

Что касается России конца 2-го десятилетия XXI в., в нашей стране принято не «преодолевать» прошлое, а гордиться им. Если современных берлинских школьников, чтобы они знали и помнили об ужасах уже далекого от них прошлого и учились «преодолевать» его, приводят в музей бывшего нацистского концлагеря Заксенхаузен, то их московских сверстников водят на экскурсии в Кремль, Исторический музей и Оружейную палату — гордиться великим имперским и советским прошлым, славными военными победами предков, блеском оружия, орденов, золота и бриллиантов. Учебных экскурсий в «Петровский пыточный застенок» и «Сталинский лагерь» в Отечестве нашем не заведено [Карацуба, Курукин, Соколов, 2005, с. 12].

Маршруты движения к гражданскому обществу в нашей стране, как отмечал российский исследователь проблем «преодоления прошлого» А.И. Борозняк, надежно заблокированы, а нерешенные социальные проблемы побуждают изгонять из коллективной памяти ужасы и злодеяния сталинизма [Борозняк, 2005].

Русско-немецкий философ Федор Степун подчеркивал, что «из всех зол, причиненных России большевизмом, самым серьезным, без сомнения, является ее моральное разложение» [Stepun, 1924–1925, p. 563–564; Люкс, 2018, с. 291]. В эмиграции в Германии Степун предвидел, что выход России из коммунизма будет не благостным, а очень тяжелым. Хуже большевизма будут только развалины большевизма [История и историческое сознание, 2012, с. 251].

К сожалению, ни свой, российский, ни чужой, германский, опыт выхода из исторических тупиков «особых путей» не достаточно востребован в современной России: мы опять ищем свой «особый путь»...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. I–III. Перевод с немецкого под ред. А.С. Ерусалимского. М., 1940–1941.
- Бёлль Г., Копелев Л.* Почему мы стреляли друг в друга? СПб: Владимир Даль, 2016. 415 с.
- Борозняк А.И.* ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
- Борозняк А.И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 285 с.
- Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М. Молотова о внешней политике Правительства // Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября–2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1939. С. 7–24.
- Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М.: Три квадрата, 2010. 320 с.
- Ильин И.А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. Париж: Изд-ие Русского Обще-Воинского Союза, 1956. 683 с.
- История и историческое сознание.* Под ред. И.М. Клямкина. М., 2012.
- Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.* Выбирая свою историю. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.
- Кёнен Г.* Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М.: РОССПЭН, 2010. 536 с.
- Люкс Л.* История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина. М.: РОССПЭН, 2009. 527 с.
- Люкс Л.* «Всегда движим живой заботой о судьбах России и Европы» – деятельность Федора Степуна в немецкой эмиграции на примере его статей в журнале «Хохланд» (1924–1940 гг.) // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 284–298.
- Мерцалов А.Н.* Рападногерманская буржуазная историография Второй мировой войны. М.: Наука, 1978. 273 с.
- Молодяков В.Э.* Риббентроп. Упрямый советник фюрера. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. 520 с.
- Павлов Н.В.* Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017. 560 с.
- Подорога В.А.* Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. М.: РИПОЛ классик, 2017. 172 с.

«После Путина у нас вновь появится шанс в деле догоняющей модернизации». Никакого «особого пути» у России нет. Экономист Дмитрий Травин – о судьбе нашей страны. URL: <https://www.znak.com/2018-11-19/> (дата обращения – 16 июля 2019 г.).

Правда (газета). 25 декабря 1939 г.

Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.

Солженицын А.И. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт–Париж: YMCA-press, 1989. 593 с.

Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе. Париж: YMCA-press, 1975. 242 с.

Толстой Л.Н. Божеское и человеческое. Из дневниковых записей последних лет. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 413 с.

Тукмаков Д. Особый Путин. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/71500> (дата обращения – 16 июля 2019 г.).

Хавкин Б.Л. Родина задешево для «доктора Слона»: Александр Парвус – финансист мировой революции и «сутенер империализма» // Родина. 2008. № 6, 7.

Хавкин Б.Л. Германские исследования России // Зарубежное россиеведение под ред. А.Б. Безбородова [А.Б. Безбородов и др. Учебное пособие]. М.: Проспект, 2014. 576 с.

Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 г. М.: Международные отношения, 1990. 250 с.

Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1–2. М.: Древлехранилище, 2008–2009.

Юбершер Г. 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ. К вопросу о «превентивной войне» // Новая и новейшая история, 1999. № 6. С. 59–67.

Ян Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М.: РОССПЭН, 2014. 360 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

Adorno Th. Gesammelte Schriften, Bd. 10, T. 2. Frankfurt a. M., 1977.

Böll H., Kopelew L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim-Merten, 1981.

Chavkin B. Alexander Parvus – Financier der Weltrevolution und “Zuhälter des Imperialismus” // Forum für europäische Ideen-und Zeitgeschichte, 2007. № 2.

Der deutsche Oberfall auf die Sowjetunion. Hg. G. Ueberschär, W. Wette, Frankfurt a.M., 1991.

Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Hrsg. v. Erich Maschke. München-Bielefeld, 1962–1974. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR: Bd. II–VIII.

Die vergessene Front. Der Osten 1914/1915. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. Hg. von G. Gross. München, 2006.

Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. Bd. 7.

Diezel G. Russland, Deutschland und die östliche Frage. Stuttgart, 1953.

Die Zeit. 11.VII.1986

Die Zeit. 22.I.2004.

- Eine Rede und ihre Wirkung. Betroffene nehmen Stellung. Berlin, 1986.
- Epstein F.T.* Heinrich von Staden. Hamburg, 1930.
- Geyer D.* Ostpolitik und Geschichtsbewusstsein in Deutschland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. № 2.
- Groehler O.* Selbstmörderische Allianz. Deutsch-russische Militärbeziehungen 1920–1941. Berlin, 1992.
- Hess M.* Die europäische Triarchie. Leipzig, 1841.
- Jahn P., Rürup R.* Die Deutschen und der Krieg gegen die Sowjetunion – Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Berlin, 1991.
- Jaspers K.* Die Schuldfrage. Von der politischen Haftung Deutschlands. München, 1987.
- Mommsen H.* Suche nach der «verlorenen Geschichte» // Merkur. 1986. № 9/10.
- Müller R.-D., Ueberschär G.* Hitler's War in the East, 1941–1945. A Critical Assessment. Oxford. 1997.
- Ritter G.* Stein. Eine politische Biographie. Stuttgart-Berlin, 1931.
- Rheinischer Merkur.* 21.XI.1986.
- Rosenberg A.* Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München, 1930.
- Scharlau W., Zeman Z.* Freibeuter der Revolution. Köln, 1964.
- Schildt A.* Der Umgang mit der NS-Vergangenheit in der Öffentlichkeit der Nachkriegszeit. Verwandlungspolitik. NS-Eliten in der westdeutschen Nachkriegsgesellschaft. Frankfurt a. M., 1998.
- Stepun F.* Das Problem der Demokratie in Russland. Hochland, 1924–1925. Vol. 22. No 1. S. 389–403, 557–571.
- Ueberschär G.* Das "Unternehmen Barbarossa" gegen die Sowjetunion – ein Präventivkrieg? Berlin, 1996.
- "Unternehmen Barbarossa". Hg. G. Ueberschär, W. Wette. Paderborn, 1984.
- Verbrechen der Wehrmacht.* Bilanz einer Debatte. München, 2005.
- Weber A.* Die Krise des modernen Staatsdenkens in Europa. Stuttgart, 1925.

REFERENCES

- Bismark O. *Mysli i vospominaniya* [Thoughts and Memories]. T. I–III. Pervod s nemetskogo pod red. A.S. Erusalimskogo. M., 1940–1941 (in Russian).
- Bell' G., Kopelev L. *Pochemu my strelyali drug v druga?* [Why did we shoot at each other?]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2016. 415 p. (in Russian).
- Boroznyak A.I. FRG: volny istoricheskoi pamyati [Germany: the waves of historical memory], in *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. № 2–3 (40–41) (in Russian).
- Boroznyak A.I. *Iskupleniye. Nuzhen li Rossii germanskiy opyt preodoleniya togoalitarnogo proshlogo?* [Redemption. Does Russia need German experience in overcoming the totalitarian past?]. Moscow.: Pik, 1999. 285 p. (in Russian).

Doklad Predsedatelya Soveta Narodnykh Komissarov SSSR i Narodnogo Komissara Inostrannykh del tov. V.M. Molotova o vneshnei politike Pravitel'stva [Report of the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR and People's Commissar of Foreign Affairs comrade V.M. Molotov on the foreign policy of the Government], in *Vneocherednaya pyataya sessiya Verkhovnogo Soveta SSSR 31 oktyabrya–2 noyabrya 1939 g. Stenograficheskii otchet*. M., 1939. Pp. 7–24 (in Russian).

Ideologiya "osobogo puti" v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya [The ideology of the "special way" in Russia and Germany: sources, content, consequences]. M.: Tri kvadrata, 2010. 320 p. (in Russian).

Il'in I.A. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* [Our tasks. Articles 1948–1954]. T. 1. Parizh: Izd-ie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956. 683 p. (in Russian).

Istoriya i istoricheskoe soznanie [History and historical consciousness]. Pod red. I.M. Klyamkina. M., 2012 (in Russian).

Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. *Vybiraya svoyu istoriyu* [Choosing your story]. M.: KoLibri, 2005. 638 p. (in Russian).

Kenen G. *Mezhdru strakhom i voskhishcheniem. "Rossiiskii kompleks" v soznanii nemtsev, 1900–1945* [Between fear and admiration. The "Russian complex" in the minds of the Germans, 1900–1945]. M.: ROSSPEN, 2010. 536 p. (in Russian).

Luks L. *Istoriya Rossii i Sovetskogo Soyuz, ot Lenina do El'tsina* [History of Russia and the Soviet Union from Lenin to Yeltsin]. M.: ROSSPEN, 2009. 527 p. (in Russian).

Luks L. "Vsegda dvizhim zhivoi zabotoi o sud'bakh Rossii i Evropy" – deyatelnost' Fedora Stepuna v nemetskoj emigratsii na primere ego statei v zhurnale "Khokhland" (1924–1940 gg.) ["We are always motivated by a lively concern for the fate of Russia and Europe" – the activities of Fedor Stepanov in the German emigration on the example of his articles in the journal "Hohland" (1924–1940)], in *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2018. T. 17. № 2. Pp. 284–298 (in Russian).

Mertsalov A.N. *Papadnogermanskaya burzhuaznaya istoriografiya Vtoroi mirovoi voyny* [West German bourgeois historiography of World War II]. M.: Nauka, 1978. 273 p. (in Russian).

Molodyakov V.E. *Ribbentrop. Upryamyi sovetnik fyurera* [Ribbentrop. The stubborn adviser of the Fuhrer]. M.: AST-Press Kniga, 2008. 520 p. (in Russian).

Pavlov N.V. *Rossiya i Germaniya. Nesostoyavsheysya al'yans (istoriya s prodolzheniem)* [Russia and Germany. Failed Alliance (story continued)]. M.: Aspekt Press, 2017. 560 p. (in Russian).

Podoroga V.A. *Vremya posle. Osventsim i GULAG: myslit' absolutnoe zlo* [Time after. Auschwitz and the Gulag: think absolute evil]. M.: RIPOL klassik, 2017. 172 p. (in Russian).

"Posle Putina u nas vnov' poyavitsya shans v dele dogonyayushchei modernizatsii". *Nikakogo "osobogo puti" u Rossii net. Ekonomist Dmitrii Travin – o sud'be nashei strany* ["After Putin, we will again have a chance in catching up with modernization". Russia has no "special way". Economist Dmitry Travin – about the fate of our country.]. Available at: <https://www.znak.com/2018-11-19/> (accessed 16 July 2019).

- Pravda (gazeta). 25 dekabrya 1939 g. (in Russian).
- Sluch S.Z. Rech' Stalina, kotoroi ne bylo [The speech of Stalin, which was not], in *Otechestvennaya istoriya*. 2004. № 1. Pp. 113–139 (in Russian).
- Solzhenitsyn A.I. *Publitsistika. Stati i rechi* [Journalism. Articles and speeches]. Vermont–Parizh: YMCA-press, 1989. 593 p. (in Russian).
- Solzhenitsyn A.I. *Lenin v Tsyurikhe* [Lenin in Zurich]. Parizh: YMCA-press, 1975. 242 p. (in Russian).
- Tolstoi L.N. *Bozheskoe i chelovecheskoe. Iz dnevnikovyx zapisei poslednikh let* [Divine and human. From diary entries of recent years]. M.: EKSMO-Press, 2001. 413 p. (in Russian).
- Tukmakov D. *Osobyi Putin* [Special Putin]. Available at: <https://www.putin-today.ru/archives/71500> (accessed 16 July 2019).
- Khavkin B.L. Rodina zadeshevo dlya "doktora Slona": Aleksandr Parvus – finansist mirovoi revolyutsii i "sutener imperializma" [The homeland is cheap for "Dr. Elephant": Alexander Parvus is the financier of the world revolution and the "pimp of imperialism"], in *Rodina*. 2008. № 6, 7 (in Russian).
- Khavkin B.L. *Germanskie issledovaniya Rossii* [German Studies of Russia], in *Zarubezhnoe rossievedenie* [Foreign Russian Studies], pod red. A.B. Bezborodova [A.B. Bezborodov i dr. Uchebnoe posobie]. M.: Prospekt, 2014. 576 p. (in Russian).
- Khal'veg V. *Vozvrashchenie Lenina v Rossiyu v 1917 g.* [Lenin's Return to Russia in 1917] M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 250 p. (in Russian).
- Shtaden G. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. T. 1–2. M.: Drevlekhranilishche, 2008–2009. (in Russian).
- Yubersher G. 22 iyunya 1941 g. v sovremennoi istoriografii FRG. K voprosu o "preventivnoi voine" [June 22, 1941 in the modern historiography of Germany. To the question of "preventive war"], in *Novaya i noveishaya istoriya*, 1999. № 6. Pp. 59–67 (in Russian).
- Jahn E. *Spornye politicheskie voprosy s tochki zreniya sovremennoi istorii* [Controversial political issues in terms of modern history]. M.: ROSSPEN, 2014. 360 p. (in Russian).
- Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. M.: Politizdat, 1991. 528 p. (in Russian).
- Adorno Th. *Gesammelte Schriften*, Bd. 10. T. 2. Frankfurt a. M., 1977 (in German).
- Böll H., Kopelew L. *Warum haben wir aufeinander geschossen?* Bornheim-Merten, 1981 (in German).
- Chavkin B. Alexander Parvus – Financier der Weltrevolution und "Zuhälter des Imperialismus", in *Forum für europäische Ideen-und Zeitgeschichte*. 2007. № 2 (in German).
- Der deutsche Oberfall* auf die Sowjetunion. Hg. G. Ueberschär, W. Wette, Frankfurt a.M., 1991 (in German).
- Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Hrsg. v. Erich Maschke.* München-Bielefeld, 1962–1974. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR: Bd. II–VIII (in German).

- Die vergessene Front. Der Osten 1914/1915. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung.* Hg. von G. Gross. München, 2006 (in German).
- Die Tagebücher* von Joseph Goebbels. Teil I. Bd. 7 (in German).
- Diezel G. *Russland, Deutschland und die östliche Frage.* Stuttgart, 1953 (in German).
- Die Zeit.* 11.VII.1986 (in German).
- Die Zeit.* 22.I.2004 (in German).
- Eine Rede und ihre Wirkung. Betroffene nehmen Stellung. Berlin, 1986 (in German).
- Epstein F.T.* Heinrich von Staden. Hamburg, 1930.
- Geyer D. Ostpolitik und Geschichtsbewusstsein in Deutschland, in *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* 1968. № 2 (in German).
- Groehler O. *Selbstmörderische Allianz. Deutsch-russische Militärbeziehungen 1920–1941.* Berlin, 1992 (in German).
- Hess M. *Die europäische Triarchie.* Leipzig. 1841 (in German).
- Jahn P., Rürup R. *Die Deutschen und der Krieg gegen die Sowjetunion – Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945.* Berlin, 1991 (in German).
- Jaspers K. *Die Schuldfrage. Von der politischen Haftung Deutschlands.* München, 1987 (in German).
- Mommsen H. Suche nach der "verlorenen Geschichte", in *Merkur.* 1986. № 9/10 (in German).
- Müller R.-D., Ueberschär G. *Hitler's War in the East, 1941–1945. A Critical Assessment.* Oxford. 1997.
- Ritter G. *Stein. Eine politische Biographie.* Stuttgart-Berlin, 1931 (in German).
- Rheinischer Merkur.* 21.XI.1986 (in German).
- Rosenberg A. *Der Mythos des 20. Jahrhunderts.* München, 1930 (in German).
- Scharlau W., Zeman Z. *Freibeuter der Revolution.* Köln, 1964 (in German).
- Schildt A. *Der Umgang mit der NS-Vergangenheit in der Öffentlichkeit der Nachkriegszeit. Verwandlungspolitik. NS-Eliten in der westdeutschen Nachkriegsgesellschaft.* Frankfurt a. M., 1998 (in German).
- Stepun F.* Das Problem der Demokratie in Russland. Hochland, 1924–1925. Vol. 22. No 1. Pp. 389–403, 557–571.
- Ueberschär G. *Das "Unternehmen Barbarossa" gegen die Sowjetunion – ein Präventivkrieg?* Berlin, 1996 (in German).
- "Unternehmen Barbarossa"*. Hg. G. Ueberschär, W. Wette. Paderborn, 1984 (in German).
- Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte.* München, 2005 (in German).
- Weber A. *Die Krise des modernen Staatsdenkens in Europa.* Stuttgart, 1925 (in German).